

ИЗЪ СЕЛА ЧЕБАКОВСКАГО (Сурганскаго округа).

(Памяти о. Алексѣя Николаевича Беллавина).

Съ душевнымъ прискорбіемъ прочиталъ я въ Тобольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ печальное извѣстіе о преждевременной кончинѣ незабвеннаго о. Алексѣя Николаевича Беллавина. Да, прочиталъ и поплакалъ такъ, какъ только плануть по близкимъ и дорогимъ роднымъ. Для меня, человѣка совершенно посторонняго, онъ былъ лучше родного. Почему? Не потому, конечно, что я видѣлъ въ немъ своего благодѣтеля или начальника. Нѣтъ. Мои заключенія о покойномъ истекаютъ изъ глубины сердца, покореннаго свѣтлой и симпатичной личностью о. Алексѣя, всегда веселаго, добраго, серьезнаго въ сужденіяхъ, рѣшительнаго и пунктуальнаго въ своихъ дѣйствіяхъ. Три года, если еще не болѣе, прослужилъ я въ качествѣ писмоводителя при училищномъ Правленіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ писмоводителемъ и Комитета по постройкѣ новаго училища, такъ что за этотъ періодъ времени, самый важный въ жизни о. Алексѣя, мнѣ довелось раздѣлить съ нимъ канцелярскіе труды и хорошо узнать его мудрыя, полезныя распоряженія и благотворныя мысли, клонившіяся ко благу учащихся и учащихся мысли, которыя проходили въ формѣ, на бумагѣ, чрезъ мои руки; но часто онѣ выражались и не официально, на словахъ, съ глазу — на глазъ и, удивительно, всегда въ дружескомъ тонѣ, не смотря на значительную разность служебнаго положенія между нами. При мнѣ особенно не стѣснялся о. Алексѣй ни въ выраженіяхъ радостей, ни въ изъясненіяхъ скорбей, какія время отъ времени посѣщали его. Кто служилъ съ нимъ въ то время, тотъ, конечно, помнитъ, сколько тревогъ, опасеній и неприятностей отъ него перенесъ Алексѣй Николаевичъ при составленіи проектовъ училищнаго зданія и при отводѣ земли подъ него. А зато, когда онъ все, съ Божьей помощью, превозмогъ, переселилъ, сколько было неподдѣльной радости и торжества! Закинула работа по постройкѣ училища... и часто можно было видѣть на этой громадной постройкѣ расхаживающимъ и, гдѣ нужно, распоряжающимся, руководящимъ, вникающимъ во все непосредственно, бракующимъ извѣсть и кирпичъ Алексѣя Николаевича, и это его ни мало не утомляло — онъ былъ веселъ, потому что видѣлъ осуществленіе завѣтной

своей мысли. Часто я видѣлъ его глубоко сосредоточеннымъ, разстроеннымъ, что называется — „не въ духѣ“, но никогда, за три года, не видѣлъ его по отношенію къ себѣ сердитымъ и не слыхалъ отъ него грубаго слова, а, надо замѣтить, предъ писмоводителемъ многіе не считали умѣстнымъ приличіе и вѣжливость.

Подъ часъ и рѣзкія слова Алексѣя Николаевича не оскорбляли человѣка. Онъ имѣлъ магическую силу привлекать къ себѣ людей и заставлялъ ихъ не видѣть и не слышать его слабостей, — этихъ не избѣжныхъ сопутниковъ каждаго смертнаго, — а замѣчать въ немъ одно доброе. Ученики любили его, боялись и въ душѣ уважали, какъ отца. Ни одного ропота, ни одной укоризны по адресу смотрителя ни отъ кого и никогда не слыхалъ даже и за очи изъ устъ отроковъ: все находилось подъ его неотразимымъ обаяніемъ.

Не знаю и до сихъ поръ, за какія мои добрыя качества, за что, собственно, цѣнили меня Алексѣй Николаевичъ, но знаю доподлинно, что онъ дѣйствительно относился ко мнѣ благосклонно, и я пользовался полнымъ его довѣріемъ, которое, по возможности, и старался оправдать. Помню, какъ сейчасъ, какъ то разъ я вздумалъ оставить должность писмоводителя, потому что мнѣ показалась очень дешевою плата (15 р. въ мѣсяцъ) за труды по Правленію и Комитету. Я просилъ прибавки. Алексѣй Николаевичъ не общалъ, а вмѣсто того сталъ краснорѣчиво и убѣдительно доказывать, что и 15 руб. на полу не найдешь, что и они въ хозяйствѣ не лишни и т. п. Я чувствовалъ справедливость доводовъ практичнаго человѣка и тѣмъ не менѣе службу въ Правленіи оставилъ. Вмѣсто меня наняли двоихъ писмоводителей, по 7 руб. каждому въ мѣсяцъ. Проходитъ недѣля — другая... Начинаю скучать безъ дѣла и вспоминать совѣты Алексѣя Николаевича и сожалѣть объ нихъ, но при всемъ томъ думаю, гдѣ же будетъ снисходить смотритель — тогда статскій совѣтникъ — къ моей ошибкѣ... Вдругъ, какъ бы въ отвѣтъ на мои потаенныя мысли и думы, получаю отъ него письмо, въ которомъ онъ проситъ меня прибыть въ Правленіе училища; общая удовлетворить мою просьбу относительно прибавки жалованья. Меня это поразило и удивило. Я отправился вновь на службу и на сей разъ не покидалъ своего занятія до дня своего священства.

Алексѣй Николаевичъ не любилъ, когда журналы или писаны не

по формѣ, или съ пропусками и грамматическими ошибками, или, наконецъ, съ каллиграфическимъ небреженіемъ. За каждую малость, даже за пропускъ—(тире) выговаривалъ, не потому, чтобы выставялъ свое начальство и ученость, но исключительно лишь изъ аккуратности и точности, изъ серьезнаго отношенія ко всему, что касается до него. Какъ то разъ много случилось дѣла и я было отказывался исполнить его въ назначенной срокъ, но Алексѣй Николаевичъ рѣшительно объявилъ, что мѣнять нѣтъ времени. „Если дѣла много, то это еще ничего не значитъ: стоитъ только ночь-двѣ не поспать и дѣлу конецъ. Человѣкъ можетъ 12-ть сутокъ не спать и быть живымъ. Я самъ частенько не сплю“. Вотъ какъ говаривалъ покойный, когда было нужно что либо поскорѣе исполнить.

Нельзя не упомянуть еще, что Алексѣй Николаевичъ былъ отзывчивъ къ чужому горю и несчастію, все принималъ близко къ сердцу, былъ не горделивъ, глубоко религіозенъ, доступенъ каждому почти во всякое время, ласковъ и благороденъ въ обращеніи даже и съ людьми прямо дерзкими. Помнится, какъ одинъ чиновникъ гражданскаго вѣдомства раскаивался въ томъ, что отдалъ сына своего въ духовное училище, гдѣ онъ, по понятіямъ отца, не можетъ ничему дѣльному научиться—а мальчикъ этотъ крайне плохо учился,—причемъ чиновникъ съ азартомъ доказывалъ, что въ гимназій сынъ его былъ бы лучшимъ ученикомъ. Тутъ, безъ всякой связи съ дѣломъ, были задѣты и св. отцы церкви. Не стерпѣлъ Алексѣй Николаевичъ: сталъ вразумлять самого отца—чиновника—въ томъ, что онъ и чему подобныя внушаютъ дѣтямъ своимъ ложныя и модныя идеи не по ихъ разуму и тѣмъ самымъ развращаютъ ихъ и чуть не съ пеленокъ, дѣлаютъ ихъ негодными къ предстоящей жизни. Затѣмъ Алексѣй Николаевичъ доказалъ основательность, обширность и законченность духовнаго образованія, его пользу и неоспоримое значеніе въ семейной и общественной жизни. Словомъ высоко поднялъ знамя духовно учебныхъ заведеній, не унижая, впрочемъ, и школъ свѣтскихъ. Чиновникъ замолчалъ. И жалокъ же онъ былъ тогда съ своимъ слабымъ знаніемъ! Я былъ невольнымъ свидѣтелемъ этого разговора.

Такого человѣка, какъ Алексѣй Николаевичъ, нынче трудно найти, трудно и охарактеризовать его по достоинству. Натура у него была подвижная, взглядъ на вещи тонкій и вѣрный. Вспыльчивъ

онъ былъ только на минуту, а затѣмъ онъ входилъ опять въ свою обычную колею.

Вѣчная память тебѣ, добрый и безкорыстный труженникъ, благо-разумный и высоко-благородный воспитатель и мудрый руководитель на стезѣ просвѣщенія и на жизненномъ пути!

Священникъ П. Закомельскій.